

Моргун А.В.

*кандидат филологических наук, доцент,
декан гуманитарного факультета
Мукачевского государственного университета*

Прокопович Л.С.

*кандидат филологических наук, доцент,
в.о. заведующего кафедрой филологических дисциплин
Мукачевского государственного университета*

К ВОПРОСУ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Язык находится в тесных взаимоотношениях с мышлением, сознанием и логикой, поскольку он выражает не только конкретное содержание мысли (семантический уровень мышления), но и закрепляет логику мышления (логический уровень мышления).

Исследованием проблем взаимодействия языка и мышления, языка и сознания, проблемы становления человеческого сознания в онтогенезе, филогенезе и возникновения знаковости мышления занимается психолингвистика, ориентированная на философские проблемы языкознания и психологии.

С точки зрения психолингвистики, язык существует в той мере, в какой существует внутренний мир говорящего и слушающего, пишущего и читающего.

Психолингвистика является комплексной наукой, которая относится как к лингвистическим дисциплинам, поскольку изучает язык, так и к психологическим дисциплинам, поскольку изучает его как психический феномен. А поскольку язык – это знаковая система, обслуживающая социум, то психолингвистика входит и в круг дисциплин, изучающих социальные коммуникации, в том числе формирование и передачу знаний об окружающем нас мире.

Исходя из того, что в языковой картине мира на долю словообразования приходится до 80% ее объема, а лексический фонд естественных европейских языков развивается в основном за счет морфологической и семантической деривации, в своем исследовании мы обращаемся к словообразовательным процессам русского языка. Изучение

словообразования как системы дает возможность рассматривать его как связующее звено между предметом мысли и языковым знаком.

Словообразовательный акт как акт предикации еще в прошлом веке рассматривал П. А. Флоренский, отмечая, «что слово, понимаемое узко должно рассматриваться как свившееся в комок предложение и даже целую речь. А предложение – как распустившееся свободно слово» [9, с. 127]. Это утверждение позволяет рассматривать производное слово как «возможность понять «привычки сознания, узнать, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая к его концептуализации мира» [2, с. 27].

В качестве иллюстративного материала рассмотрим глагольный блок словообразовательной парадигмы семиологического класса зоонимов.

Глагольные дериваты, мотивированные зоонимами, представлены незначительным числом, что можно объяснить следующим. Известно, что «лексическое значение слова представляет собой сложную структуру, в которой взаимосвязаны основные и производные, постоянные и вероятностные, эксплицитные и скрытые семантические признаки» [7, с. 47].

Значения дериватов могут формироваться как на основе прямых значений мотивирующих, так и на основе их вторичных значений. Так, значения «производить на свет» и «охотиться на данное животное» мотивируется прямыми значениями исходных слов, например: *ягненок* – *ягниться*; *соболь* – *соболевать*; (ягненок – ‘детеныш овцы’, ягниться – ‘рожать ягненка’; соболь – ‘небольшой хищный зверек’, соболевать – ‘охотиться на соболя’).

Как утверждает О.П. Ермакова, абсолютное большинство производных слов в русском языке образуется на базе прямых значений [3]. Вместе с тем производные слова возникают и на основе переносных значений производящих. Производные со значением «совершать действия» и «приобретать признаки» коррелируют с переносными значениями мотивирующих, например: *забайбачиться* – ‘сделаться байбаком, лежебокой’ (байбак – перен. ‘неповоротливый, ленивый человек’), *лисить* – ‘льстить, угождать’ (лиса – перен. ‘хитрый, льстивый человек’). Глаголов, развивающих в качестве мотивирующего признака переносное значение производящих основ, больше, чем глаголов, основывающихся на прямых значениях мотивирующих (общее количество глаголов, мотивированных зоонимами – 35 единиц, из них 25 коррелирует с переносными значениями исходных слов). Отсюда следует, что образование глагольных дериватов от наименований животных ограничено и нерегулярно. «Семантика ряда

зоонимов состоит из двух слагаемых: номинативного и переносного – того специфического значения слова, которое вносится в него контекстом. Номинативность – обязательный компонент для всех зоонимов, тогда как экспрессивность присуща лишь немногим из них» [1, с. 89]. Глагольные дериваты чаще всего усваивают переносные значения мотивирующего зоонима.

Глаголы соотносятся с теми наименованиями животных, т.е. с теми существительными, «в семантике которых больше «прилагательности», т.е. качественности или оценочности <...>. Так, <...>глагол *советь* не употребляется в значении «превращаться в сову», его семантика целиком определяется «образным» сравнением с совой» [8, с. 134]. Однако этот тип глаголов, соотносительных с существительными, «гораздо менее продуктивен, так как образования от существительных предполагают наличие у последних «квалифицирующего», оценочного значения» [8, с. 141].

Дезоонимические глаголы чаще употребляются в разговорной речи и в литературном языке Ср.лингвистическую шутку Феликса Кривина «В мире животных» [6, с. 103-104]:

Змеилась речка в тишине
Плетя витки излучин,
А там, на самой глубине,
Сом двух соменков *жучил*.
Слонялся черный таракан,
Сазан с лещом *судачил*,
И, как всегда, *ослил* баран,
Что конь весь день *ишачил*.
И каждый крик, и писк, и чох,
Сулил в делах удачу:
Там *выкомаривал* сверчок,
А там бычок *свинячил*,
Там *рыскал* по стене паук
За мухами вдогонку,
Там шли, *охрюкав* все вокруг,
Гуськом три поросенка.

Вдали темнели берега,
Ерился лес на склоне...
И кот, *окрысаясь* на щенка,
Мышонка *проворонил*.
Но всяк старался за двоих,
И разбирать не стоит –
Кто *обезьянничал* из них,
Кто был самым собою.
Их всех укрыла ночи тень –
И малых и великих.
И как ни *петушился* день,
Но *съежился* и сник он.
И звезды счастья и любви
Зажглись над миром снова...
От них *совели* соловьи
И *соловели* совы.

Характеристики лица, возникающие на основе переносных (метафорических и метонимических) значений зоолексем – живой

семантический процесс. В повседневной лексике многих людей «перенос названия животного на лицо чрезвычайно продуктивен и нередко подменяет «человеческие» номинации» [5, с. 125]. «Слова – характеристики лица, возникающие на базе переносных значений зоолексем, чаще всего являются синтаксически обусловленными» [1, с. 89]. Примером этому могут служить фразеологизмы, характеризующиеся как «сочетания слов с переносным значением» [10, с. 7], в структуре которых находятся зоолексемы: «птица невысокого полета», «сидит как на корове седло», «как угорелая кошка» и др.

Глагольные дериваты чаще всего образуются от тех наименований животных, поведение или характерные черты которых в обыденном сознании носителей языка выступают как объект сравнения с человеком или с другим животным.

Представленный фрагмент анализа словообразовательной активности семиологического класса зоонимов свидетельствует о том, «что при репрезентации языковой картины мира словообразовательные средства используются весьма избирательно» [2, с. 47]. Однако именно словообразование благодаря производному слову позволяет создать модель представления знания об окружающем нас мире.

Литература

1. Акопова С.Л. О зоонимической лексике/ С.Л.Акопова//Русский язык в школе.– 1983. – № 3. – С. 89-91.
2. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – 1999. – №2. – С.27-49.
3. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке/ О.П.Ермакова.– М.: Рус. язык, 1984.– 152 с.
4. Земская Е.А. Структура именных и глагольных словообразовательных парадигм в русском языке / Е.А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1982. – С. 14-17.
5. Крейдлин Г.Е. Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке/ Г.Е. Крейдлин// Тождество и подобие. Сравнение и идентификация/ Под ред. Н.Д.Арутюновой. – М.: Наука, 1990. – С. 124-139.
6. Кривин Ф.Д. Круги на песке. – Ужгород: Карпаты, 1983. – 214 с.

7. Стернин И.А.Разграничение прямого и переносного употреблений слова /И.А.Стернин // Семантика и системность языковых единиц. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск.ун-та, 1985. С. 47-56.

8. Улуханов И.С.Глаголы на –еть в современном русском языке (о продуктивности и регулярности словообразовательного типа)/ И.С. Улуханов // Развитие словообразования современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 127-141.

9. Флоренский П.А. Термин/ П.А.Флоренский // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 121-133.

10. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., М.: Рус.яз., 1987. – 543 с.

Рудай А.С.

викладач кафедри соціології та психології

Харківського національного університету внутрішніх справ

НАПРЯМКИ ДОСЛІДЖЕННЯ ПСИХОЛОГІЧНОЇ РЕСУРСНОСТІ В ПСИХОЛОГІЇ ПРАВООХОРОННОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Професійна діяльність правоохоронців належить до розряду складних професій, які пред'являють високі вимоги до психологічних і психофізіологічних якостей співробітника. Важливим у професійному становленні для майбутніх правоохоронців є знання та вміння, які отримуються під час навчання. Також особливу роль в професійному становленні майбутніх правоохоронців мають особистісні якості та вимога до наявності внутрішнього потенціалу.

Виконання своїх професійних обов'язків у працівників правоохоронних органів пов'язано зі значними нервово-психічними навантаженнями. Тому важливим є особистісний потенціал співробітників і його вміння використовувати власні ресурси.

Психологічні ресурси – це психічні властивості, здатність людини актуалізувати власні психологічні потенціали з метою саморозвитку, саморозкриття у взаєминах та надання підтримки іншим [6].

Проводилися дослідження окремих характеристик особистості працівників правоохоронних органів, що є компонентами психологічної